

1. „Бысть сеча зла и преужасна“ (447); „и бысть сеча зла“ (451; ср.: „и бысть сеча ужасна“ 456).

2. „[Греки] бяхуся с турки крепко“ (448, 454).

3. „[Греки] силне и нещадне сечахуся“ (448).

4. „[Греки] сечахуся тяжким и зверообразным рвением“ (457).

5. „И бысть сеча велия, яко страшно и жестоко бе видети обоих дерзости и мужества“ (454).

6. „И бысть сеча примрачна, зане стрелы их [турок] помрачиша свет“ (455).

Для этой же цели не раз вводится прием поэтической гиперболы, то подчеркивающий отвагу греков, то рисующий жестокость схваток.

1. „Един бяхшеса с тысящею, а два—с тмою“ (446).

2. „Кровь их [борющихся] течаше, яко реки по стенам, от вопля же и крычания людскаго обоих и от плача и рыдания градского и от звуку клакольного и от стуку оружия и блистания мяшеса всему граду от основания превратися“ (14).

3. „Наполнишася рвы трупиа человека до верху, яко чрез их ходити турком, аки по сте[пе]нем и битися, мертвыа бо им бяху мост и лествица ко граду, такоже и потоци и бреги вкруг града наполнишася трупиа и лименю Галатийскому кроваву быти, тако силне и нещадне сечахуся“ (448).

В более подробно разработанных сценах сражений немалое внимание уделено новой для средневековья звуковой картине ожесточенного огнестрельного боя.

1. „От пушечного бо и пищального стуку и от звуку звонного и от гласов и воплей и кричания от обоих людей и от трескоты орудий такоже и от плача и от рыдания градских людей и жен и детей, яко и земле поколебатися. И не бе слышати друг друга, что глаголет; бысть яко гром велий, от множества огня и стреляния пушек и пищалей обоих стран, дымное курение сгустився, покры град и войско все, яко не видети друг друга, с кем ся бьет, и з зеленого духу многим умрети“ (447).

2. „Не бе слышати друг друга, что глаголет: Совокупиша бо ся вопли и крычания и плач и рыдания людей и стук дельный [т. е., орудий] и звон клакольный в един звук, и бысть яко гром велий“ (9, 10).

3. „[Картина взрыва подкопа]: внезапно възгреме земля, аки гром велий и подьяся с турами и с людми, яко буря силнаа до облак, и бе слышати трескот и сътрение туров и вопль и стенание людское страшно“ (456)

Доблесть греков не раз подчеркивается автором (людие укрепишася и охрабришася, 448; огражьшеса дерзостью, 455), ей отдают должное даже враги: „гаурове охрабришася“, отзывается Магомет о защитниках Царьграда (452).

Автор не раз описывает подвиги отдельных защитников Константинополя и особенно часто подчеркивает, какие чудеса мужества и храбрости показал греческий царь Константин.

1. „[Зустуней] бяхшеса с турки толма храбро и мужественно, яко отступити от того места [стены] всем турком“ (447).

2. „Турки же вскрычавше злостью, окружиша его тмочисленне и сечаху его [Рахгавей]; греки же нуждахуться крепко отъяти его и не возмогоша, но и падоша мнози, и рассекоша турци Рахгавей на части“ (20).

3. „Сечахуся оба [Рахгавей и Амарбей] зле... Рахгавей... удари Амарбеа мечем по плечу оберучь и рассече его надвое“ (451).